

САМЫЕ необычайные и неожиданные, но в общем-то вполне закономерные для тех дней встречи были не только у участников завершающих войну боев. Были они и у военных корреспондентов.

Вижу, к подъезду островерхого дома с почерневшими стенами девушка с погонами прикрепляет флаг Красного Креста. Неужели Оля? Она!

Медсестру Олю Зубченкову я до того видел осенью сорок первого на подступах к Москве. Комсомолка отправляла тогда с передовой раненых в полевой госпиталь. Тяжелая была пора. И, честно говоря, в ту бесприсветно темную ночь под грохот канонады раненый артиллерист не очень-то обнадеживающе воспринял шутку Оли:

— Потерпи, залатают тебя

— еще в Берлине с тобой станцуем. Я ведь до Берлина обязательно дойду!

И дошла.

А в это время на обожженных стенах рейхстага уже можно было прочесть: «Москва — Берлин. Мы знали, что с победой пройдем этот путь!». Вот уж, действительно, как сказано в «Василии Теркине»:

Бьют Берлину у заставы

Судный час часы Москвы!

...Рейхстаг дымился, как двенадцать лет назад. Но тогда, в 1933 году, провокационный поджог рейхстага зловеще знаменовал недоброе рождение кровавого фашистского государства, а сейчас зарево подожженного в боях рейхстага отражало последнюю, предсмертную агонию гитлеровского рейха.

Эпопеей доблести и храбро-

ВЕСНА ПОБЕДЫ

Из записок военного корреспондента

сти советского воинства — иначе не назовешь сражение за эту фашистскую цитадель. Именно на подступах к ней наступающим советским пулеметчикам довелось увидеть в окне четырехэтажного дома окропленный кровью кусок белого полотна. Такой алый стяг был поднят на штыке младшим лейтенантом Алевых. Только так можно было предотвратить прицельную стрельбу наших пулеметчиков по своим, неожиданно и дерзко занявшим этот дом близ рейхстага, за линией немец-

кой обороны. И кровь павшего воина спасла жизнь многим его товарищам по оружию.

Сейчас, по прошествии двадцати лет, случай этот кажется невероятным. Но все происходило именно так — и нельзя об этом сегодня писать иначе!

Когда фашистов по одиночке вышвырнули из рейхстага, в нем закрепилась рота старшего сержанта Героя Советского Союза И. Сьянова. С утра до трех часов ночи не выходила она из боя. Штурм кончился, и Сьянов хотел полой шинели стереть сажу с лица. Но жар огня превратил шинель в труху. И тогда старший сержант услышал буднично прозвучавшее приказание комбата Неустроева:

— Товарищ Сьянов, передайте свой рейхстаг Грибову и Антонову, а сами идите отдыхать...

Последний гитлеровский военный комендант Берлина генерал Вейдлинг капитулировал. Гарнизон пунтуально и организованно сдается в плен. И вот уже мимо рейхстага проводят ударный батальон эсэсовцев — тех, к кому еще так недавно обращался с истеричной речью «фюрер».

А в рейхстаге идет своеобразная пресс-конференция. Михаил Егоров и Мелитон Кантария, которые через несколько часов удостоятся звания Героя Советского Союза, рассказывают корреспондентам, как они водрузили знамя Победы над рейхстагом. В безыскусном рассказе Егорова с гордостью ощущаешь неотъемлемые качества советского воина — неугасающий внутренний оптимизм, неиз-

менное присутствие духа и склонность к шутке в самую тяжелую минуту.

— Стоим со знаменем и думаем, куда бы его покрепче примостить. — А происходит это на крыше рейхстага, вокруг рвущая снаряды, и солдаты держатся за железного коня, чтобы их не смела воздушная волна. Один осколок как раз продырявил коня. — Кантария говорит мне: «Давай в брюхо просунем!» Так и сделали — и вниз. А навстречу боец, запыхался. «Знамя, — кричит, — только с одной стороны видно, и еще получается, будто держит его верховой, что на железном коне сидит. Меня, — говорит, — послали переставить». Шутись, отвечаем мы. За советы — спасибо, а уж знамя сами переставим.

Егоров и Кантария снова на крыше. Под рвущимися снарядами карабкаются по железным ребрам разбитого купола на самый верх.

— Выше только небо, — кричит Кантария Егорову. — Теперь на весь Берлин видно!

— Для наших призыв: добивай врага! Для фашистов — сигнал: полный капут!

Этой шуткой заканчивает пресс-конференцию Егоров.

КАЖДЫЙ, кто штурмовал рейхстаг, хотел пойти в этот бой коммунистом. Вот почему парткомиссии пришлось заседать на переднем крае, в подвале разбитого дома. Подолгу иногда дожидались, пока товарищи, которых принимали в партию, смогут вырваться на несколько минут. С некоторыми на минутку прибежали командиры — рассказать, как только что отличился в бою будущий коммунист.

Цезарь СОЛОДАРЬ

— Ну и бесчувственный же камень. — удивленно обронил кто-то из нас.

И Всеволод Иванов, в ту пору военный корреспондент «Известий», убежденно ответил:

— Из троих — лучший актер. Представляю, каков он будет после всей этой истории.

Точность этого определения замечательного писателя мы оценили, узнав, что вскоре же после капитуляции «невозмутимый» гитлеровский адмирал выбросился в пролет лестницы.

По требованию председателяствующего — представителя Советского Главнокомандования Кейтель предъявил письменные полномочия на подписание акта. Этот последний в истории войны документ верховного главнокомандования германской армии был написан на официальном бланке. Но местонахождение командования «Берлин» было старательно забито черточками пишущей машинки и заменено стыдливым «Главная ставка». Миф! Ставки уже не было и в помине. Была бывшая ставка, как бывшими были все громкие военные титулы ее сановных представителей, сидевших за узеньким столиком, как на скамье подсудимых.

Акт подписан. Кейтель откашливается и, нагнувшись, раскрывает рот. Он явно хочет произнести не торжественную речь, не последнее слово подсудимого. Но раздается голос:

— Германская делегация может покинуть зал.

Какими же словами завершилась эта процедура, которую ждал весь мир?

Я дословно записал то, что сказал представитель Советского Главнокомандования после того, как по его приказу немецкую делегацию вывели из зала.

— А теперь, — обратился он к представителям союзного командования и нашим дипломатам, — прошу по русскому обычаю закусить, чем был послан.

На рассвете 9 мая вышел я из здания военно-инженерного училища в районе Карлсхорст, где в небольшом актовом зале на втором этаже была победно дописана последняя страница истории Великой Отечественной войны.

Предутренний холодок напоминал о подмосковных летних утрах, когда под несмелыми солнечными лучами серебрится на траве иней. Аромат яблоневых и вишневых цветов властно одолевает тяжелый запах густо стлавшейся над притихшим Берлином гари.

Где-то неподалеку напевно звенели голосистые переливы русской гармонии. Молодой матрос дошедшей до Шпрее Днепровской флотилии стоял на карауле у ворот. В нарушение устава он весело подмигнул мне:

— Поздравляю, товарищ майор! Ну, теперь фашистским гадюкам амба! Всех в ответу! До одного!

Вечерняя Москва, 1965, 7 мая